

Вэй Анъюаню ничего не оставалось, кроме как попрощаться с Е Мянем. Бормоча себе под нос: «И что там за важное дело такое, ради которого надо меня дергать спозаранку...» — он забрался в экипаж.

Е Мянь напутствовал его:

— Тогда давай одна нога здесь, другая там, не задерживайся. Сегодня до полудня занятия у господина Гуна. Смотри не опоздай, а то он опять заставит тебя стоять в галерее.

Вэй Анъюань отозвался из кареты, однако Е Мянь прождал его все утро, но тот в академии так и не появился.

Как только пробил колокол на полуденный отдых, Е Мянь поспешил в палату Цзяюань. Однако главный надзиратель Цзя сообщил, что еще рано утром из резиденции премьер-министра прислали человека передать, что Вэй Анъюань заболел и не может подняться с постели.

Е Мянь застыл на месте от изумления. Как такое возможно?

Вчера вечером этот парень еще так резво скакал, что в перетягивании одеяла с ним было не совладать, да и сегодня утром они наперебой делили рисовые пироги с каштанами — и тут он вдруг вернулся в резиденцию премьер-министра и слег? Он же его не травил...

В полном недоумении Е Мянь побрел в сторону Сухой сливовой рощи, что на юго-западе, намереваясь поскорее отправиться в резиденцию премьер-министра и навестить друга. Пройдя полпути, он резко замер, развернулся и со всех ног бросился к двору князя Жуннаня.

Чжуан Сюй чинно восседал за столом, пока слуги накрывали к обеду. При виде вбежавшего Е Мяня его глаза на мгновение блеснули, но этот свет тут же угас.

Прищурившись, Чжуан Сюй спросил:

— Ты пришел из-за Вэй Анъюаня?

Тяжело дыша, Е Мянь натянул на лицо улыбку и произнес:

— На этот раз Вэй Анъюань действительно кругом неправ. Я хочу принести извинения от его имени...

Чжуан Сюй долго пристально смотрел на него, а затем вдруг холодно усмехнулся:

— Кто ты ему такой, чтобы извиняться за него? И к тому же, неужели ты думаешь, что оскорбление моих родителей можно замять обычным «прости»?

В глазах Чжуан Сюя сквозил лед, в них не было ни капли тепла. Е Мянь и без того чувствовал себя виноватым, а при виде такой реакции и вовсе занервничал. Он поспешно замахал руками:

— Нет-нет, я вовсе не это имел в виду.

Е Мянь сглотнул слюну и серьезно добавил:

— Оскорбление родителей — это страшный грех, и то, что ты решил его наказать, вполне справедливо. Прежде всего я благодарен тебе, князь, за то, что ты не стал чинить расправу сам, а первым делом известил левого премьер-министра. Полагаю, господин премьер-министр

строго прочит Вэй Аньюаня...

— Что за глупости ты несешь? — Чжуан Сюй слегка склонил голову набок и тихо произнес: — Кто сказал, что мне нужно, чтобы премьер-министр его воспитывал? Я лишь поставил левого премьер-министра в известность о том, что собираюсь сделать с Вэй Аньюанем. И тот обязан с этим смириться.

Е Мянью побледнел. Вспомнив, какими методами обычно действует Чжуан Сюй, ему не оставалось ничего другого, кроме как засунуть гордость подальше и заискивающе продолжить:

— Пожалуйста, не надо... Вэй Аньюань хоть и ведет себя безрассудно, но в резиденции премьер-министра царят строгие правила. Он проявил такую дерзость и накликать беду, левый премьер-министр точно его не пощадит. Может быть... когда его накажут по домашним правилам, я лично приведу его к тебе с повинной? Как думаешь, так пойдет?

Е Мянью робко, с надеждой в глазах заглянул Чжуан Сюю в лицо.

Чжуан Сюй тоже не сводил с него глаз. Внезапно он тихо рассмеялся, но взгляд его становился все более ледяным.

— Надо же, ты, оказывается, тоже умеешь пресмыкаться перед другими.

С трудом удерживая улыбку, Е Мянью взмолился:

— На этот раз мы действительно кругом виноваты, так что поклониться тебе не зазорно. Прояви великодушие к нам, неразумным, прости нас на первый раз.

С этими словами Е Мянью низко поклонился.

Ради этого он был готов поступиться и гордостью, и приличиями — главное, чтобы Чжуан Сюй не покалечил Вэй Аньюаня из-за него. К тому же его близкий друг действительно сболтнул лишнего, оскорбив чужих родителей, за что заслуживал хорошей трепки. Раз уж их поймали с поличным, не стоило обижаться, что теперь их держат мертвой хваткой.

Е Мянью отвесил князю Жуннаню глубокий почтительный поклон. Когда же он выпрямился, то увидел, что Чжуан Сюй смотрит на него с улыбкой, но в глубине его фениксовых глаз застыл лютый холод.

— «Мы»? — Чжуан Сюй приоткрыл тонкие губы, словно смакуя это слово, а затем тихо рассмеялся: — Как красиво сказано — «мы». Если бы не этот случай, я бы и не подозревал, что «ты» и «он» — это уже «мы».

— Что... что ты имеешь в виду?

Заметив в голосе Чжуан Сюя мрачные нотки, Е Мянью осторожно спросил, а затем, быстро перебрав в голове возможные варианты, с облегчением произнес:

— Мы с Вэй Аньюанем просто близкие друзья, ничего больше. К тому же все это началось из-за меня, поэтому мы вдвоем и приносим тебе извинения. Надеюсь, это хоть немного остудит твой гнев.

— Зачем ты мне это объясняешь? Неужели ты думаешь, будто мне не все равно, с кем ты близок? — спросил Чжуан Сюй, глядя на него мягким, но в то же время равнодушным тоном.

— Я...

Е Мянью на мгновение лишился дара речи. С тех пор как Чжуан Сюй признался ему в своих чувствах, тот никогда еще не был с ним столь холоден и непреклонен. Это заставило Е Мянью почувствовать себя крайне неловко.

Его пальцы непроизвольно сжались. Испытывая редкую неловкость, Е Мянью прямо спросил:

— Тогда, может, ты сам скажешь, на каких условиях князь согласится замять это дело? Давай все обсудим, идет?

Голос Чжуан Сюя прозвучал ледяным приговором:

— Тут нечего обсуждать. Спокойная жизнь для него закончилась.

Сердце Е Мянью ушло в пятки. Он поднял глаза на Чжуан Сюя и переспросил еще раз:

— Совсем никак нельзя договориться?

Чжуан Сюй молча смотрел на него. Е Мянью с замиранием сердца прождал какое-то время, но выражение лица Чжуан Сюя так и не изменилось.

В конце концов Е Мянью первым отвел взгляд, отвернулся в сторону и тяжело выдохнул. Прошло немало времени, прежде чем он снова повернул голову. На его лице появилось хладнокровие, и он уважительно обратился к Чжуан Сюю:

— В таком случае прошу прощения за беспокойство, я пойду. Если позже князь все же решит дать нам с Вэй Аньюанем шанс уладить это дело, присылайте человека с любыми вашими условиями.

— Однако, — тон Е Мянью изменился, — если вы твердо вознамерились покуситься с сыном премьер-министра Вэя, прошу вас, знайте меру. Иначе нам всем будет трудно разойтись миром.

Договорив, Е Мянью развернулся, собираясь уйти.

— Е Мянью! — раздался сзади тихий оклик.

Услышав свое имя, Е Мянью обернулся. Чжуан Сюй стоял на месте, гневно сверля его взглядом.

Е Мянью повернулся к нему, но Чжуан Сюй продолжал молчать. Тогда Е Мянью заговорил сам:

— Ах да, забыл упомянуть еще кое-что, молодой князь. Впредь без особой надобности не ищи встреч со мной. Я избегаю тебя лишь потому, что не испытываю к тебе никаких чувств, а ты бываешь невыносимо назойлив. И пожалуйста, прекрати использовать столь ребяческие приемы, как испрашивание императорского указа во дворце, только чтобы заставить меня пойти с тобой на свидание. Раз или два — куда ни шло, но если так будет продолжаться, это покажется просто низким.

Чжуан Сюй явно опешил, а затем его лицо исказилось от ярости:

— Ты решил порвать со мной из-за этого Вэя?!

Е Мянью не отступил ни на шаг. Посмотрев на него, он покачал головой:

— Я говорю это вовсе не из-за сегодняшней ссоры и не из вредности. Просто чувства князя ко мне действительно доставляют немало хлопот в моей жизни. Я не испытываю к вам взаимности, и вам это прекрасно известно. Моя семья, в особенности старший брат, относится к этому крайне враждебно. Но вы, рассердившись на его противодействие, стали строить ему всяческие козни и втайне, и открыто. Боюсь, с этим смириться я не могу.

— Неужели ты думаешь, что он сам не искал ссор со мной? — вспыхнул Чжуан Сюй.

— Если бы ты не прибегал к уловкам, заставляя меня видиться с тобой, он бы и не стал переходить тебе дорогу. У него много других дел, — спокойно возразил Е Мянью.

Чжуан Сюй прищурил свои фениксовые глаза, не сводя с него взгляда.

— Во-вторых, — продолжил Е Мянью, — моим друзьям и близким тоже нелегко принять, что ты сближаешься со мной с подобными намерениями. По правде говоря, я понимаю их мотивы, хотя и не собираюсь слепо им потакать. Но сейчас все дошло до того, что они реагируют слишком остро и успели навлечь на себя твой гнев, князь. Ни одна из сторон не желает уступать, и мне невыносимо тяжело оставаться между двух огней. А потому я считаю, что нам действительно лучше больше не видиться.

— Ты закончил?

— Еще нет, — невозмутимо ответил Е Мянью. — Есть еще кое-что, о чем я хотел сказать. И это касается исключительно нас двоих, без посторонних.

Е Мянью посмотрел на него и со вздохом недоуменно произнес:

— Я никак не пойму: то ли дело в твоём характере, то ли ты не совсем верно понимаешь, что такое любовь. Но я хочу прояснить одну деталь. То, что ты признался мне в чувствах, вовсе не делает меня твоей собственностью. Я — это я. Я сын своего отца и младший брат своего брата. А с тобой, — Е Мянью прямо посмотрел ему в глаза, — меня ничего не связывает. Понимаешь?

— Что ты имеешь в виду? — тон Чжуан Сюя стал угрожающе холодным.

Е Мянью не испугался:

— То, что сказал. Твое отношение предельно ясно: ты считаешь, будто мой отказ ничего не значит, и думаешь, что рано или поздно я все равно буду принадлежать тебе. Именно поэтому ты не переносишь, когда я проявляю близость к кому-то другому.

Е Мянью в недоумении покачал головой:

— И это, пожалуй, удивляет меня сильнее всего. Что внушило тебе такую непоколебимую уверенность? Твоя власть и богатство? Или романтическая сказка твоей матушки о празднике Циси?